

ТЕСНИ РАДОСТІ, ТЕСНИ ПЕЧАЛИ

ВАСИЛИЙ РАКША

18+

фентези

МИ∞

МИФ Проза

Василий Ракша

Песни радости, песни печали

«Манн, Иванов и Фербер»

2023

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Ракша В.

Песни радости, песни печали / В. Ракша — «Манн, Иванов и Фербер», 2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195914-4

Интригующее славянское фэнтези от российского автора. Полная надежд и предвкушения новой жизни, приплывает в величественный Буян-град – самое сердце Пятимирия – княжна Ладимила. Вот только пока не знает она, что за резными фасадами вместо светлого будущего скрываются страшные тайны и грязные пороки. Плетут интриги там не только царские подданные, но и всемогущие боги. Какое место в плясках буянских страстей уготовано юной княжне, встанут ли на ее сторону девы-птицы и даст ли мудрый Алатырь подсказку о том, как спасти себя и все Пятимирие, пока звучат песни радости и песни печали? Для кого эта книга Для тех, кому хочется прочитать интригующее и незабываемое славянское фэнтези. Для поклонников книг «Мара и Морок» Лии Арден, «Сокол и ворон» Ульяны Черкасовой, «Песни чудовищ» Анастасии Андриановой. Для тех, кому любопытно будет узнавать мифы и народные сказки, которые искусно спрятаны в тексте. Для читателей, которые ценят визуальное оформление и хотят в свою коллекцию книгу с потрясающим оформлением. От автора В отличие от истории настоящей, из учебника, здесь не будет Руси, Древней Греции, Индии и других знакомых нам государств. Вдохновением для меня послужили герои наших родных сказок, мифов и легенд – от тех, что идут из глубины веков, до творений Александра Сергеевича Пушкина. Перечитывая их, досконально изучая их корни, я убедился в том, насколько сильно на русскую культуру на протяжении эпох влияли другие народы. Несмотря на уникальность и самобытность русских сказов, отрицать воздействие на них со стороны византийцев, скандинавов, персов и прочих соседей бессмысленно. Так и родилось Пятимирие: для каждого из государств, его составляющего, нашелся прародитель. Да, с исторической точки зрения аккадцы вряд ли пили чай с русичами, но вот связей культурных между ближневосточными и славянскими народами не счесть. В Пятимирии все

немного иначе, чем в жизни: и география, и технические достижения, и даже ход времени. Я сознательно не привязывался к конкретному веку в нашей истории, поэтому пусть вас не смущает то, что у буянцев есть корабли с каютами, книгопечатание и масляные лампы. Что-то позаимствовали у соседей, что-то изобрели сами. Для меня это – смешение эпох со щепоткой магии. Одним словом – фэнтези. А вот чувства и поступки героев, надеюсь, получились настоящими и очень честными. Приятного чтения!

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-195914-4

© Ракша В., 2023

© Манн, Иванов и Фербер, 2023

Содержание

От автора	8
Глава 1. Покидая отчий берег	9
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Василий Ракша

Песни радости, песни печали

Ракша, Василий

Песни радости, песни печали / Василий Ракша. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00195-914-4

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Василий Ракша, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

От автора

Дорогой читатель! Я искренне рад, что в ваши руки попала моя книга. На последующих страницах развернется история, которая не давала покоя моему воображению. В отличие от истории настоящей, из учебника, здесь не будет Руси, Древней Греции, Индии и других знакомых нам государств. Вдохновением для меня послужили герои наших родных сказок, мифов и легенд – от тех, что идут из глубины веков, до творений Александра Сергеевича Пушкина. Перечитывая их, досконально изучая их корни, я убедился в том, насколько сильно на русскую культуру на протяжении эпох влияли другие народы. Несмотря на уникальность и самобытность русских сказов, отрицать воздействие на них со стороны византийцев, скандинавов, персов и прочих соседей бессмысленно. Так и родилось Пятимирие: для каждого из государств, его составляющего, нашелся прародитель. Да, с исторической точки зрения аккадцы вряд ли пили чай с русичами, но вот связей культурных между ближневосточными и славянскими народами не счесть. В Пятимирии все немного иначе, чем в жизни: и география, и технические достижения, и даже ход времени. Я сознательно не привязывался к конкретному веку в нашей истории, поэтому пусть вас не смущает то, что у буянцев есть корабли с каютами, книгопечатание и масляные лампы. Что-то позаимствовали у соседей, что-то изобрели сами. Для меня это – смешение эпох со щепоткой магии. Одним словом – фэнтези. А вот чувства и поступки героев, надеюсь, получились настоящими и очень честными.

Приятного чтения!

Глава 1. Покидая отчий берег

Массивные резные двери с витиеватыми узорами и богатой инкрустацией резко распахнулись, впустив в темноту покоев слепящий свет. Войдя, владыка всего Буяна узрел под балдахинном баклажанового бархата нагое тело. Приблизившись, он сощурил глаза и быстро отвернулся.

– Прикройся, Елисей! – с тяжелым вздохом проговорил он. – Неча меня пугать своими достоинствами!

Шелк одеяла заструился и спрятал под собой все то, что вызывало недовольство Салтана.

– И тебе доброе утро, отец, – вяло ответил Елисей, потягиваясь в постели.

– Утро ли? – чуть было не закричал царь. – Полдень на дворе, а ты все дрыхнешь, как медведь в спячке.

Свет от дверей померк – его заслонили две мужские фигуры, застывшие на пороге. Крылатый Елисеев опричник и царский прислужник в сиреновом кафтане одновременно попытались проникнуть в палаты цесаревича, но проход оказался слишком узким для двух мужей.

– У нас уговор был, помнишь? – Салтан не мог скрыть своей досады, пусть и пытался говорить тише. – Утренняя трапеза вместе со мной и матерью. Раз в неделю, по пятницам.

– А сегодня как раз пятница, – подобострастно вставил прислужник, чем заслужил неодобрительный взгляд крылатого опричника.

– Вот именно. Не держишь слово. – Салтан подождал сыновьего ответа, но услышал лишь шорох под одеялом. – Что ты там шелудишь? Совсем стыда нет?

– Да почесался просто! – чуть не смеясь, ответил юноша.

Царь нарочито тяжело втянул воздух, протяжно выдохнул и озорно взглянул в сторону дверей. В них так и стояли, притаившись, опричник с прислужником.

– Дело важное у меня к тебе есть. Портрет княжны Новоградской прислали, хотел рассмотреть с тобой вместе.

Нагой царевич приподнялся из-под одеяла и уселся, опершись на изголовье.

– Хороша?

– Молоденькая, – пожал плечами царь. – Поддай-ка картину, – приказал он слуге, и тот наконец прорвался в полутемную опочивальню.

Едва дыша, он поднял над подушками массивную золотую раму, расположив портрет напротив цесаревича. Тот вскочил с кровати, снова обнажившись. Царь вновь закатил глаза, но на этот раз ограничился вздохом. Елисею будто было совершенно неважно, что его увидят нагим другие люди. Одернув тяжелые шторы, он вернулся в постель и принялся рассматривать полотно. На него глядела белокурая девица, замершая в неестественной позе. Лицо ладное: точеные скулы, цвета озерной глади глаза, тонкий, чуть вздернутый носик и мальвовые губы. Взгляд цесаревича скользнул по узкому подбородку, пробежался по бледной лебединой шее и впился во вздыбленные холмы васильковой ткани. Наклонив голову, чуть сощутив глаза и вытянув губы, Елисей коснулся зеленовато-коричного камня, висящего на его груди. Потерев самоцвет, его рука соскользнула на янтарную кожу и поползла вниз по молодому торсу.

– Оставьте здесь, – не отрываясь от портрета, велел цесаревич.

– Понравилась, значит, – довольно проговорил Салтан. – Попрошу Велимира отправить дочь на смотрины. – Вмиг посерьезнев, он пробасил, обращаясь к Сиреневому Кафтану: – Портрет заberi.

– Отец!

– Ты и без него... довершишь начатое! У тебя тех портретов – полные закрома! – Царь дошел до дверей и, не оборачиваясь, бросил: – К обедне-то хоть объявись, мать порадууй. – И скрылся в зелени сада.

– Вы заметили, какие здесь волны? – обратился к княжне молодой щеголь в густо расшитом кафтане. – Все дело в том, что здесь сливаются течения теплой Восточной и холодной Западной рек и покровительствующие им богини Агидель¹ и Дана² схлестываются водоворотами, выясняя, кто сильнее.

Княжна тихонько вздохнула, не поворачивая головы. Еще оставалась надежда, что, если не обращать внимания на непрошеного поклонника, он потеряет к ней интерес и переключится на того, кто готов продолжать беседу. Не дождавшись ответа, щеголь предпринял еще одну попытку произвести впечатление на завораживающую своей холодной, сдержанной красотой собеседницу:

– А здешние ветра под стать местным правителям. Меняют направления не реже, чем те – свои решения. – Однако, покосившись на княжну, он наткнулся на твердый, строгий взгляд, не оставляющий шанса на продолжение беседы, поэтому в итоге торопливо пробормотал извинения и удалился.

За несколько дней дороги это был уже четвертый путник, пытающийся завести с ней знакомство. Все они были так похожи друг на друга, что выглядели братьями, несмотря на разную статью, возраст и тембр голоса. Скроенные на один лад зипуны и полукафтаны, чересчур богато украшенные для дорожной одежды, словно были делом рук одного и того же портного. Самодовольные, холеные лица, масляный взгляд и упорная докучливость. Они все смотрели на княжну с вождением охотников, увидевших добычу, а заговаривая, словно расставляли силки на пугливую птицу.

Конечно, ей и раньше приходилось сталкиваться с мужским вниманием, но в родном Новом граде все испытывали трепет перед Велимировой дочерью, чтобы переходить грань при-

¹ Богиня холодных рек и течений. Здесь и далее примечания автора.

² Богиня теплых рек и течений.

личия, и осмеливались разве что на пылкие взгляды. Здесь же, запертые в ограниченном пространстве узкой ладьи, плывущей из Нового града к столице Буянского царства, они осмелели и пытались навязать ей знакомство. Путешествие изрядно затягивалось из-за непогоды и вместо обычных двух-трех дней приближалось уже к четвертому закату. С каждым днем попутчики вели себя все развязнее, так что княжна даже не знала, от чего ее мутит сильнее: от их бесстыдных, обжигающих взглядов или от постоянной качки на бурлящих волнах.

Над головой грузно лежали тучи, сдавливая воздух обещанием грозы и оставляя только узкую светлую полоску между небом и водой. Чтобы побороть тошноту, княжна стала всматриваться в горизонт, пытаясь разглядеть в далеких точках силуэт своего нового дома – Буян-града. Она слышала от немногих бывавших там, как сильно он отличается от остальных городов Буянского царства.

Обыкновенно всех прибывших завораживали роскошное убранство и щекочущие небо крыши высоченных теремов. А выше всех них – купол царского Салтанова дворца, увенчанный блестящим шпилем. Помимо непривычно высоких хором и оживленной сутолоки на широких улицах, Буян-град славился роскошными садами и сложной сетью подземных ходов, пронизывающих подбрюшье этого Города вечной весны.

«Уж не затаил ли на кого из наших верховных обиду Переплут³? Оттого мы и плывем так долго», – подумалось княжне. Она знала, что конфликты богов, управляющих Буянским царством, могут отразиться на привычном ходе вещей, – во всяком случае, так говорил отец. Никто из пассажиров и экипажа ладьи не мог точно знать, что именно было причиной замедления и кому из богов молиться, чтобы доплыть быстрее.

– Почем эта будет? – спросил у мясника невысокий пузатый прохожий, показывая пальцем на юную замарашку с испуганным взглядом, привязанную бечевкой за руки к опорной балке рыночного навеса. В волосах ее виднелись две ленты, белая и алая, впутанные в нечесанные кудри.

Лавочник, не глядя на посетителя, дорубил очередной кусок туши и проговорил:

– Вам от покровки, пашины, лопатки?

Пузатый был явно из знатных: бархатный сюртук с трудом сходил на нем, величественно оттопыриваясь ниже груди. Он кашлянул в кулак, чтобы привлечь внимание продавца, и, дождавшись, когда тот наконец на него взглянул, кивнул в сторону девицы.

– Значить, молочная заинтересовала? – перейдя на заговорщицкий шепот, спросил купец.

Покупатель развел руками – мол, что еще могло его привести на рынок в столь ранний час. Лавочник торопливо кинулся к корзине, вытащил из нее кусок берестянки и принялся выводить свинцовым карандашом неровные знаки. Вокруг привычно шумела толпа: ярмарка в Буяне бывала почти каждый день. В этой части рынка сутолоки не наблюдалось, гораздо больше люда вертелось у заморских купцов: рассматривали диковинные фрукты, экзотических птиц в витиеватых клетках да аккуратные рулоны тканей. Здесь же, в стороне от лишних взглядов, происходило самое интересное.

– Да как ты смеешь? – прозвучал резкий женский голос.

В то же мгновение записка оказалась в изящной руке, одетой в черную перчатку. Знатный покупатель попытался ее перехватить, но без толку. Раздосадованный промашкой, пузатый поднял недовольный взгляд на нарушительницу своего спокойствия.

³ Бог мореплавания у буянцев.

– Какого лешего? – Из его уст чуть не вырвались крепкие слова, но он прикусил язык, рассматривая нахалку.

Его взору явилась демонически привлекательная женщина: облаченная в темные одежды, облегавшие изгибы ее ладного тела, она держалась очень свободно, почти надменно. Темно-каштановые волнистые пряди обрамляли ее вытянутое лицо, подчеркивая выразительные округлые скулы и оливкового оттенка глаза, густо подведенные сажей и смотревшие так жестко и строго, что покупателю пришлось отвести взгляд. Но любопытство заставило тут же вновь посмотреть на незнакомку, дабы убедиться, что ему не померещилась эта невероятной красоты женщина, и увериться, что за ее спиной правда торчат темные блестящие крылья, на которые он даже и не обратил внимания поначалу, вперившись взглядом в ее лицо.

– Ты куда шла, туда и иди! – огрызнулся торгош, вытирая руки ветошью, будто хотел отмыться от запретной продажи.

– Я как раз за целовальником⁴ шла, чтобы о твоём нарушении рассказать! – с недоброй улыбкой произнесла та и, погладив по щеке испуганную девушку, принялась выпутывать ленты из ее волос.

– Ты о себе ему расскажи, блудница! – сощутив глаза, прошипел продавец.

– А эта чем провинилась? – налегши на прилавок, шепотом спросил пузатый.

– А вы, ваше вятшество, не знаете? – Торговец изобразил удивление. – Это ж Сирин, она за ту цену, что я за девку написал, вам разве что часок-другой даст ее любить.

Лик девы-птицы осветил почти звериный оскал. Она схватила с прилавка нож и обвела взглядом мужчин, остановив его на торговце.

– Тебе я готова уступить в цене. Отдашь свою жалкую жизнь – так и быть, стану с тобой ласковой на полчаса.

– Одно мгновение! – оживившись, пробормотал пузатый. Он перебрал пухлыми пальцами складки ткани под поясом и наконец извлек полную монет кошель. – Я готов сделать значительно более выгодное предложение. Возьми, пересчитай.

Волоокий взгляд девы-птицы медленно переместился на знатного сударя. Черты ее смягчились, и голос приобрел почти елейные нотки:

– Как благородно с вашей стороны. – Она подхватила бархатный мешочек, довольно улыбнулась и добавила: – Так беззаветно помочь юной девице. Она будет помнить вашу доброту до скончания дней! – В тот же момент она перерезала веревку, соединявшую одно из бревен навеса с запястьями без пяти минут рабыни, шепнула ей: – Беги – и вложила в ладонь мешочек, полный монет.

– Да какого... – Торговец дернулся вслед за девушкой, но в одно мгновение передумал и остановил поток бранной речи, заметив целовальника, подошедшего прямо к лавке.

– Непокойно тут? – Нахмутив пушистые брови, целовальник рассматривал лица покупателя, продавца и Сирин. – Говорят, девку тут с лентами бело-красными заприметили. Не видели, не торгует ли кто живым товаром?

– Никто, уважаемый, – пробурчал лавочник, зло зыркнув на деву-птицу. – Только свежезарезанным!

Рассветное солнце спряталось за синеву туч, и княжна вспомнила причитания своей служанки Добродеи, сетовавшей, что госпожа ничего не ела с самого утра. Присев рядом

⁴ Должностное лицо, исполняющее судебные, финансовые и полицейские обязанности.

с прислужницей, девица не стала сопротивляться проявлениям заботы, покорно согласившись на пироги из походной бочки.

– Моряки рассказали, что там, в Элладе, такой сыр делают, который месяцами не портится! И головки его только за золотые купить можно. Я им и ответила, что моей царевне надобно отведать, чтобы знать, что за сыр такой; они мне и дали кусочек. Желаете, сударыня?

Княжна подняла глаза на камушек серо-желтого цвета, лежащий на серебряном блюде, и с недоумением посмотрела на Добродею. «Теперь ясна причина смрада», – чуть было не произнесла она. Что же, придется попробовать – обижать Добродею никак не хотелось. Княжна отломала кусочек, практически крошку, сыра и, не сводя со служанки глаз, положила на язык. Чтобы раскусить сыр, потребовалось значительное усилие. Княжна зажмурилась и прислушалась к своим впечатлениям. К ее удивлению, за резким запахом скрывался удивительно нежный, чистый вкус, покалывающий где-то в середине языка.

– Потеха, а не еда! Как они его делают? Никогда не ела ничего подобного. Удивительно.

Добродея довольно хмыкнула и отвернулась, чтобы достать пироги. Какая удача – порадовать свою хозяйку, пусть и таким пустяком.

Княжна боролась с желанием моментально проглотить оставшийся ломоть сыра. Отец называл ее самой нетерпеливой из вятских дев – настолько она казалась ему неспособной сдерживать свои хотения. Несмотря на всю строгость, он очень любил свою единственную дочь. Северный князь Велимир слыл сюзереном суровым, но справедливым. Не было ни души в Новоградском княжестве, которая бы его не опасалась. Это было объяснимо: кругом враги. С севера – вечные бунты непослушных каторжников, с которыми не справлялась Малахитница. Медной горы хозяйка вечно занята ухажерами настолько, что до всего остального ей дела нет. На западе – жестокие норды, притворяющиеся, будто не знают установленных после кровопролитной Общеземельной войны правил мирного жития народов. Да и свой люд покорным нравом не отличался – приходилось предугадывать малейшие волнения и жестко пресекать их.

Мила не была исключением. Отец вселял в нее трепет одним своим видом. Впрочем, так было не всегда. До восьми лет княжна росла совершенно беззаботной девочкой, не ведающей ничего о жестокости. Батенька часто сажал ее на колени и гладил по мягким белым волосам. Почему-то ей казалось, что Велимир так же ласков со всеми своими подданными, разве что не гладит их по голове. Все переменялось одним вечером. Мила дружила с Чеславом – сыном княжеского рода, приближенного к сюзерену Северных земель. Они часто проводили время вместе, обучались грамоте, играли общими игрушками и были не разлей вода. Однажды мальчуган предложил ей игру: забраться на стену крепости и бросать кусочки еды, чтобы приманить диких птиц. Они весело перекидывали через деревянные бойницы куски хлеба, оставшегося от царской трапезы, и наблюдали за крылатыми, почуявшими запах угощения. В один момент прилетевших голубей и сорок распугала семья голодных лисиц. Впрочем, не все пернатые заметили хищников, и одна из птиц стала добычей рыжей гостью. Ее сизое оперение разлеталось в зубах прыткой лисы. Мила ахнуть не успела, как Чеслав приволок на стену блюдо с остатками жаркого и принялся выбрасывать жирные куски мяса. Лисиц прогнали волки, жадно рыщущие в поисках наживы. Юная княжна пыталась остановить друга, но мальчишка вошел в раж и не обращал внимания на ее призывы. Ее тоненький голосок был прерван звуком выстрела. Дети выглянули в бойницу, и им открылась леденящая кровь картина: один из серых разбойников жалобно выл, волоча подбитую лапу, пытаясь скрыться от крестьян в ближайшем лесу. Второй выстрел остановил его мучения. Волк замертво пал. Мила вцепилась в рукав друга и стала умолять его уйти, чтобы их не раскрыли, но тот лишь прошептал:

– Начинается самое интересное!

Со стены полетело все, что не доели придворные: жареный гусь, свиные ребра, репа и соленья. Народу внизу все прибавлялось. Они глядели вверх, шумно благодарили богов

и собирали дары. Впрочем, остатки трапезы быстро закончились, а крестьяне принялись драться за добычу, точь-в-точь как звери незадолго до них.

То, что случилось дальше, часто виделось княжне во снах. Опричники, высыпавшие кучкой из ворот крепости, избили дерущихся, а детей благородных родов – Милу и Чеслава – обнаружили слуги. Их отвели прямо к Велимиру. Он быстро выяснил, что произошло, отпустил слуг и взялся за розги. Девочка побледнела и бросилась на колени умолять отца не наказывать их. Он коротко проговорил:

– Ты смотрела на произвол и не предотвратила его. Теперь ты будешь смотреть на то, как Чеслав получит десять ударов плетью – за каждый год его жизни. То, что вы совершили, чудовищно, и нам всем придется молить богов о снисхождении к вам.

Мила уже умела считать. Каждый удар по оголенной спине друга отдавался болью в ее висках. Чеслав мужественно смотрел перед собой, безмолвно ронял слезы на дощатый пол и стискивал зубы, ожидая, когда вновь опустится плеть. Закончив с розгами, сюзерен Северных земель взял с детей слово, что подобного больше не повторится. Во взгляде Велимира что-то переменялось, появилось то, что с тех самых пор заставляло Милу побаиваться собственного отца.

Дочь была единственным человеком, к которому после смерти жены он проявлял нежность, однако доброта его заключалась в требовании быть лучшей во всем, за что бы она ни бралась. Ценнейшие умы Нового града приходили учить юную княжну, и такое образование позволило наследнице Велимира стать рассудительной и внимательной к наукам. Не многих при дворе она жаловала своим общением, разве лишь тех, кого стоило привечать по этикету. Княжна проводила много времени за книгами, и, пожалуй, главные ее переживания были связаны именно с событиями, там описанными. Иногда, в редкие минуты безделья, она представляла себя героиней книг. Ей мечталось о шумных пирах, подобных тем, какие бывали по случаю богатого урожая, или тем, что устраивали в честь высокопоставленных князей из других частей Буянского царства. Однако больше всего ей нравились свадьбы, несмотря на все странные ритуалы и правила, которых приходилось придерживаться. Семьи жениха и невесты готовились к церемонии очень тщательно. Мужчины доказывали богам свое намерение быть честными мужьями и создать крепкий союз во славу покровительствующего божества, а делать это они могли, преуспев на охоте, придворной службе или преодолевая себя на работе в поле, если были простолюдинами. Девы же отправлялись в небольшие домики на отшибе селений – там они только молились и познавали свое предназначение, беря на себя обет молчания до самой свадьбы.

Княжне тоже предстояла свадьба, именно поэтому она и покинула отчий берег.

Сказать, что она готовилась к этому событию, было бы не совсем верно. Она не знала, что именно стоит делать. По обыкновению, ритуал подготовки передавался от матери к дочери, однако Мила осталась наполовину сиротой в совсем юном возрасте, а Велимир, ее отец, не имел привычки вводить в свой ближний круг других женщин. Он будто даже сторонился их. Поэтому у княжьей дочери не имелось наставницы в этом вопросе: учителя все были мужчинами, а Добродея, воспитывавшая ее с малых лет, была простолюдинкой, оттого сама не знала, как это принято в высшем свете. Приглянулась она когда-то пастуху, помолилась Дивии-луне, и при ее свете их и обручила ночь. Мужа-пастуха потом забрал Морок⁵ – быстро, очень быстро, не успела Добродея и понести.

Пожалуй, единственное, что знала княжна наверняка, – это то, что для соединения уз нужно выбрать правильный день. Так, чтобы в этот день благословляющим был тот владыка из богов, кому потом захочется молиться и служить. И до замужества думать о нем почаще,

⁵ Бог обмана и болезней.

чтобы не отвернулся в последний момент, принял все дары и поблагодарил напутствием в виде знака свыше. От этого, как она считала, будет зависеть будущее ее семьи.

– Проясняется, – вдруг откуда ни возьмись у самого уха прозвучал мужской голос.

Княжна глубоко вздохнула, стараясь выправить сбившееся от неожиданности дыхание, и уже было приготовила самый холодный взгляд из всех, на какие только была способна, намереваясь повернуться к автору изречения с совершенно однозначным безмолвным ответом, но это был аккуратного вида старик, а вовсе не очередной щеголь из гвардии любителей корабельных приключений.

– Небо проясняется. – Старик посмотрел ей прямо в глаза. – Того и гляди первую звезду увидим. А там и до столицы недалеко.

Она незаметно переступила с одной ноги на другую, отойдя таким образом от слишком близко стоящего попутчика.

– И как скоро, по вашему мнению, это случится? – Княжна по-прежнему не могла избавиться от напряжения после того, как старик вырвал ее из мыслей о замужестве.

– Скоро, скоро все случится. – Он опять пронзительно посмотрел княжне в глаза, как будто говорил о чем-то совершенно другом.

Ей стало не по себе. Кто он такой, чтобы нарушать ее спокойствие?

– Там, в трюме, запасли слишком мало бражки. Судари, те, что помоложе, теперь мучаются, изнывают. Столько пить! Пять бочек отборного ставленого меда как не бывало! – Старик озорно поглядывал на юную деву и готов был перейти к любимой части любого разговора – воспоминаниям, отчего лицо его засияло, словно даже омолодив его, но сам себя осек: – Тысяча извинений, сударыня! Разрешите представиться: Казимир Твердиславич из Великой Кряжмы, что в лесах да болотах на юго-западе. Путешествую совсем один, по делу личному. У нас, у стариков, жизнь – она прошлое. То, что грядет, только страшит сильнее, вот мы и предаемся воспоминаниям. В бытность мою молодым служил я доверенным человеком нашего сюзерена и плавал этими течениями бесчисленное количество раз, иногда с вестями теплыми, как Восточная река, но чаще, так уж получалось, с холодными, как воды Западной. – Он сощурил глаза, задумавшись, все его озорство вмиг улетучилось, и годы вернулись. – А вас какие боги ведут в столицу?

Княжне по-прежнему было совершенно неясно, как вести себя с людьми, когда они не представлены друг другу общими знакомыми. Однако старик был довольно сдержан, да и подробно назвался, проявив учтивость. Она решила, что не стоит открывать всех карт случайному попутчику, но будет вежливо все-таки поддержать этот незатейливый разговор.

– Какое совпадение – я тоже еду по своему делу... Вернее, по просьбе нашего сюзерена, князя Велимира, – чуть было не выдав себя, сбивчиво ответила княжна. – Просьба крайне личная, к сожалению, не имею права раскрывать подробности... – Она густо покраснела, понимая, что может наговорить лишнего.

Старик в ответ расплылся в добродушной улыбке, по которой можно было прочесть, что он все понял. Ладимила гнала от себя эти мысли. Просто показалось, правда же?

Она порывисто отвернулась прямо к горизонту, глубоко вздохнула и вспомнила, что не представилась.

– Ладимила... – Испугавшись вопросов о своем происхождении, княжна быстро продолжила: – Мое имя слишком длинное, поэтому я прошу называть меня коротко – Милой.

– Крайне приятно встретить в пути такой нежный цветок, милая Мила... – Старик всматривался в глаза собеседницы, как будто пытался залезть внутрь, прямо в голову, и прочесть все ее мысли. – Не могу знать, как часто вам приходится плавать на ладье, но смею предположить, что волны доставляют вам беспокойство. Во всяком случае, ваша бледность говорит мне об этом. Не хотите ли настойки трав от качки? Пока я не раздал ее нашим горемычным попутчикам – тем, что страдают в трюме.

– Что вы, сударь, это невероятно любезно с вашей стороны. Пожалуй, будь мне невыносимо тяжело, я бы без лишних раздумий приняла от вас помощь. А пока разрешите поблагодарить вас за доброту и готовность...

В этот момент девушка проследила за взглядом своего собеседника, и звук ее голоса оборвался. Довольному прищур Казимира Твердиславича предстала великолепная картина: в широко открытых, цвета горечавки глазах Милы отражался величественный силуэт красивейшего из городов Пятимирия – Буян-града.

– Ты куда, красавица? Не ко мне ли? – Сиплый старческий голос почти сливался со скрипом ржавых петель, венчающих неохотно отворяющуюся дверь.

В посеревшем от времени дощатом проеме появилась горбунья в платке, таком же бесцветном, как и весь ее дом. Она протянула морщинистую руку, недвусмысленно давая понять, чего хочет.

Локоны цвета спелой пшеницы было дрогнули, но их обладательница, крылатая румяная девица, тотчас обернулась с натянутой улыбкой и бегающим взглядом.

– А я можно... завтра принесу? – Уголки ее пухлых губ поднялись еще выше, обнажая ровные зубы, – ее лицо выражало неуверенность.

– А сегодня я буду кукиш без масла кушать? – монотонно проговорила старуха.

Она произнесла это так буднично, будто сплюнула. Все постояльцы давно знали ее излюбленные фразы.

– Честно-честно, бабушка! У меня сегодня во дворце хор, а потом еще в «Брячине»!

Хозяйка отвернулась. Ее беззубые челюсти принялись ходить сами собой, натягивая сморщенную кожу вокруг рта. Наконец, будто что-то поймав, старуха прекратила чавкать и посмотрела на девушку.

– Алконост, – обратилась она серьезно к крылатой постоялице, – все поёшь?

Та лишь кивнула в ответ.

– Вот смотрю на тебя... и себя узнаю. Как в зеркале. Глазки синенькие, игривые такие. Кудри русые, с медным отливом, на солнышке-то! Щечки пухленькие, с ямочками, у меня такие же были, да, не смотри так. Это я сейчас старуха поблекшая, а в юности была... – Она провела руками вдоль тела, как в танце, и в ее зеницах сверкнул огонек. Горбунья слегка распрямилась, погружаясь в воспоминания. – Мужики знаешь, как на меня смотрели? И свистели мне вслед, и замуж все звали... А я смеялась, плясала до упаду, счастливая была... не передать как. – Улыбка расцветила ее сморщенное лицо, но тут же блеск в глазах пропал, и к старушке вернулся скорбный вид. Она опять пожевала что-то и сказала: – Мужа тебе надо, детишек побольше, а не в кабаках петь.

Крылатая девица застыла в нерешительности. Ей хотелось расспросить хозяйку о ее жизни, узнать, что случилось с той юной, беззаботной девушкой...

– Мне надо уходить, – только и смогла выговорить Алконост. – Завтра плату принесу, чуть только рассвет настанет! – Поклонилась и побежала к белоснежной стене буянской крепости.

Натужный хруст тугих канатов вторил плеску воды. Волны били о широкий, ровный причал, заметно уходящий от линии суши. Последнее емкое «айда!» вылетело из уст старшины бурлаков и через несколько мгновений растворилось в глухом звуке удара борта судна о листовенничные опоры пирса. Ладью было откинуло назад, дальше от берега, но буквально через мгновение она плотно пристала к помосту, покачалась для порядка и, будто испустив невольный вздох, размякла, смирившись с окончанием путешествия.

– С меня довольно! Эки шлюпки тягать! – резко кинул один из бурлаков в сторону старшины. – Не для того я в стольный град ехал. Вон чё! – указал он подбородком на соседний пирс меньшего размера. – Пока мы тут гнемся под пенькой с этой трухой, невесть откуда приплыв-

шей, Еремыч швартует двумя перстами судна в разы большие! – Кажется, он бы недовольничал и дальше, если бы гулкий кашель не стал раздражать его глотку.

– Мыкита, побойся Переплута! Ты свою копейку имеешь в срок, кормлен досыта, а ворчишь аки старый пень! – Посмотрев на своих доходяг, с которыми ему приходилось встречать самые старые корабли в лучшем порту Пятимирия, старшина на секунду опустил глаза и как будто смягчился, вспомнив одному ему понятную добродетель... – Ты это, не ворчи. Будем честно работать – и нас на кабестан⁶ возьмут. А покамест дай-ка я узнаю, много ли в ладье скарба – авось до темноты все и перетаскаем.

И вправду: во всем порту Буян-града остался лишь один причал, оборудованный для прибытия кораблей старого типа. Остальные же были оснащены новейшими устройствами для легкой швартовки – кабестанами, созданными изобретателями из Совета розмыслов, прославившимися своими открытиями на все Пятимирие.

Изнывающая от желания скорее покинуть ладью толпа собралась на одной стороне, отчего судно чуть не дало крен. Княжне вместе со служанкой пришлось выждать какое-то время, прежде чем они смогли беспрепятственно выйти. В сутолоке Ладимила то и дело уворачивалась от торопящихся людей с клетками, баулами, узелками и сундуками, стараясь при этом не потерять самообладания. Люд растянулся в длинную очередь, и, только изрядно в ней постояв, княжна вспомнила, что очень скомканно завершила беседу с новым знакомцем. Впрочем, неугомонно бухтящая Добродея довольно быстро освободила голову своей хозяйки от мыслей о приличиях.

Удивительное дело: несмотря на широкий помост, люди двигались крайне медленно. Некоторые еле стояли на ногах и чуть было не падали на соседей, создавая еще большую суматоху. Вдоль причала были выставлены бочки, полные воды, в которых отчего-то били хвостами рыбы – то ли сами туда запрыгнули, то ли кто-то забыл живца. Вдоль толпы то и дело прохаживались высокие стражи, облаченные в красные одежды, подпоясанные плетенками из китового уса, на которых мерно покачивались клинки в ножнах. Они не очень церемонились с прибывшими, истово рассматривая и мужчин, и женщин.

– Морок знает что такое! – продолжала ворчать Добродея. – Думала, мучениям конец, после четырех-то суток этой качки, а тут – на тебе! И пьянь еще эта. Сударыня, разрешите их всех распахать, чтобы мы здесь карасями не пропахли!

Ладимила лишь тихонько вздохнула, совершенно не понимая, как правильно себя повести: требовать пропустить ее, сюзеренову дочь, без промедления, раскрыв себя, либо смиренно ждать своей очереди.

– Да у него просто помешательство, – долетел до нее обрывок чьего-то разговора, – вот и распорядился всех чужаков проверять. Как будто я здесь со злым умыслом!

– Милейший, кого же он боится? Своей тени, ни много ни мало!

После этих слов несколько сударей из числа тех, кто докучал княжне, довольно заулыбались, а один, по-видимому, выпивший больше всех, расхохотался так, что привлек внимание стражи.

– Мочи нет, как смешно! – заливаясь безудержным смехом, прохрипел он. – Ой, братцы, держите меня, не могу! Ой, Салтан, трусишка ты, Салтан!

– Видать, здесь кто-то перепугался не на шутку... – послышался суровый голос. Он принадлежал одному из портовых стражников, сверкнувших отполированным металлом клинка вблизи группы веселящихся щеголей. – Смрад такой, что ясно дело: не удержался кто-то от испуга!

Казалось, что толпа после этой устрашающей речи сжалась и застыла на месте. Только пьяный весельчак не мог остановиться – его потряхивало так, будто в него вселился демон.

⁶ Лебедка.

Поняв, что стража ополчилась на него, юноша выпрямился, задержал воздух, сглотнул слюну и на секунду замер. В глазах его что-то сверкнуло, из уст вырвался воздух, как из сопла, потом еще раз, и стало понятно, что он не может сдержать хохот. Мелкой дрожью пошли его лицо и тело, было видно, что собой юноша уже не владел. Стражники подхватили трясущегося нарушителя порядка и уволокли мимо расступившегося народа.

Княжне пришлось простоять еще добрых полчаса, прежде чем они с Добродеей дошли до конца пирса, увенчанного палаткой. Перед входом в шатер весь багаж отдавали носильщикам, громко сопящим и жалостливо заглядывающим в глаза тем, кто был одет побогаче. Кое-кто привычным жестом извлекал из калиты ржавые копейки, кто-то переругивался, не желая терять из виду свою поклажу. «Правило есть правило, – получали они в ответ. – Всяко добро должно быть досмотрено».

Насколько аккуратно Добродея опустила небольшой плетеный сундук перед своими ногами, настолько же небрежно скользнула взглядом по молодому крючнику, пытающемуся своим несчастным лицом растрогать ее. Не вышло.

– Остальной скарб в каюте – не перепутайте и отвезите поживее во дворец! – почти прошипела Добродея. – Поживее, слышишь ты меня?

– Повинуюсь, государыня, – робко ответил юнец и ловко уволок поклажу куда-то вглубь пристани.

В палатку разрешали заходить по одному. Для сюзереновой дочери не стали делать исключения: стража копьями преградила путь служанке, несмотря на все ее шипение и угрозы. Ладимила была не в силах вступать в какой бы то ни было спор, ей хотелось одного – поскорее добраться до дворца и сменить дорожное платье. Она кротко ответила на все вопросы, и писчий, узнав, кто перед ним, отряхнул руки о портки, присвистнул и, шепнув что-то стражникам, торопливо повел высокородную девицу по особой тропинке. Ладимила постоянно оглядывалась и просила подождать верную прислужницу, но ее спутник бормотал, что прибытие во дворец не терпит отлагательств. Он усадил княжну в высокую повозку с полированными порогом и крышей из дубленой кожи, запряженную тройкой лошадей, и, пообещав, что Добродее пришлют сразу после проверки вместе с сундуками, пожелал доброго дня.

Главный порт Буян-града находился в некотором отдалении от дворца, в низине, отделенной густым массивом дубовой рощи от основного города. Поэтому такой заметный с моря шпиль царского дворца, конусы крепости и изломы крыш других теремов снизу становились невидимыми – их прятали листья деревьев.

Первым, что удивило княжну, была дорога. Аккуратно сложенный булыжник, скрупулезно подогнанный по размеру, составлял витиеватый рисунок. Поездка по ровным срезам камня не сопровождалась привычной тряской, отчего орнаментами мостовых можно было наслаждаться без лишних помех. Между густыми зарослями высоких дубов, сквозь их темную крону пробивались лучи весеннего солнца, причудливо освещая камень мостовой.

Дорога шла вверх, на пригорок, на вершине которого лошади будто нарочно помедлили, словно предупреждая, что в следующий миг путник увидит что-то совершенно особенное, но тут же продолжили путь. Отсюда, с опушки изумрудного леса, открывался поистине блестящий вид на город. Побывавшие здесь не вдали: столица была великолепна.

Массивные кованые ворота лязгнули и закрылись за повозкой княжны. Тотчас откуда ни возмись подле нее оказался немолодой прислужник в кафтане непривычного сиреневого цвета, с ровным пробором темно-русых волос и таким же ровным голосом.

– Княжна Ладимила?

– Все верно, сударь. А вы посланы царевичем помочь мне устроиться в этом чудесном дворце? – Опершись на предложенную Кафтаном руку, княжна вышла из повозки.

– О, для меня это огромная честь! Вас очень ждали. С нетерпением, так сказать! – продолжил прислужник невозмутимым тоном. Казалось, что подвижными на его лице были только брови и глазные яблоки, остальные же части будто были заморожены. – Прошу вас следовать за мной, сударыня!

Галереи комнат с высокими окнами сменялись небольшими закрытыми площадями с колоннадами и балконами над ними. То и дело княжна с ее сиреневым проводником поворачивали в очередные двери и оказывались в новом отсеке царского лабиринта. Запомнить расположение и названия всех государственных Советов, здесь размещенных, не представлялось возможным. «Отчего у людей нет крыльев? – думалось княжне. – Взмыть бы в воздух и посмотреть на дворец сверху – тогда бы стало понятно, как не заплутать в этих стенах».

*Ничто в полюшке
Не колышется,
Только грустный напев
Где-то слышится...*

Откуда-то издалека доносились звуки хора. День неумолимо шел к закату, хотя диск солнца и катился к линии горизонта по-летнему медленно. То ли по причине послеобеденного времени, то ли еще почему, мало кто попался княжне на пути. «Где же весь дворянский люд? Неужто сидят в такой погожий день в застенках и не выходят на воздух? Или готовятся к празднику какому, а я и не знаю? Иду пыльная, неумытая да нерасчесанная с дороги, а надо к Перуну⁷ да Макоши⁸ обращаться? Да сколько же можно идти!»

*Пастушок-то напевал
Песню дивную;
Он в той песне вспоминал
Свою милую...*

Не успела княжна что-либо сказать, как Сиреневый Кафтан остановился перед очередной парой дверей, увитых резными узорами, и спросил:

– Вы готовы, сударыня?

Мила вопрошающе смотрела на прислужника, не зная, что сказать. Готова? К чему готова? Что он хочет услышать? «Нет, сударь, давайте еще покружим по этим галереям, я не нагулялась?» Был бы его голос хоть немного окрашен каким-то тоном, это могло бы дать подсказку – что именно он имел в виду. Возможно, хотел предупредить царскую гостью о том, что ее ожидает невиданная роскошь, поэтому стоит прикрыть глаза, иначе можно ослепнуть? Или размер хором должен был вызвать приступ радостной одышки? Мила так устала, что мечтала лишь о покое, остальное в тот миг не имело ровно никакого значения. Ну и о чарке воды – от длительной ходьбы во рту пересохло.

*Как напала на меня
Грусть жестокая;
Изменила, верно, мне
Черноокая.*

⁷ Громовержец, верховный бог пантеона. Женат на Макоши. Отец Деваны и Тарха.

⁸ Жена Перуна, богиня судьбы. Почетно возглавляет Совет красоты.

Пение звучало все отчетливее и ближе. «Видимо, все собрались послушать этот дивный хор, – подумала княжна. – До чего любо поют! Надеюсь, и я смогу послушать, когда придет черед».

– Вы готовы, сударыня? – так же ровно, как и в первый раз, произнес прислужник.

Захлебнувшись в собственных мыслях, княжна и не заметила, что забыла дать ответ.

– Да, конечно, прошу прощения. Пойдемте же скорее.

Сиреневый одновременно открыл обе массивные двери, густо украшенные затейливой резьбой и блестящими камнями, и пригласил уставшую княжну зайти в помещение первой.

*Я другую изберу
Себе милую,
Сарафан я ей сошью
Ала бархата.*

Юная дева торопливо сделала два шага, сощурилась и застыла в изумлении. Такого она представить и вправду не могла. Солнечный свет пробивал витражи окон насквозь, ложась на все поверхности разноцветным покрывалом. Резные дубовые колонны устремлялись вверх, шагом своих теней разрезая длинное пространство зала.

*Уж я серьги ей куплю
Скатна жемчуга,
Уж я кольца закажу
Чиста золота.*

Женский хор пел стройно и пронзительно. В высоте парадных сводов голоса отражались, создавая мягкое эхо, перекатывающееся по галереям и дворам-колодцам дворца. Княжну накрыло облаком звука, и, как только глаза привыкли к яркому цветному свету, она смогла рассмотреть то, что ее обескуражило.

– Не могли бы мы найти более безлюдный путь в мои покои? – подойдя обратно к прислужнику, спросила она.

– Сударыня, это в вашу честь! Так мы в Буян-граде приветствуем высокородных особ! – перекикивал он хор. – Все по распоряжению царевича Елисея!

Помимо хора в белоснежных одеждах, поющего чистыми голосами, Ладимилу ожидал еще больший кошмар. Зал был полон людей, причем, судя по их облачению, тех, с кем по сословию ей придется общаться. Приглядевшись внимательно, княжна обнаружила, что всех находившихся в помещении можно было разделить на две части: слуги-мужчины и изысканно одетые вятские девы. Такого изобилия роскошных платьев ей не доводилось видеть никогда прежде! Бархат, парча, атлас всех цветов радуги покрывали плечи и талии их обладательниц. Елисей был известен страстью ко всему шикарному, но Мила и подумать не могла, что соприкоснется с проявлениями этой страсти так скоро.

*Будем друг друга любить
Лучше прежнего,
Будем жить да поживать
Лучше каждого!*

Поняв, что отступать ей совершенно некуда и нужно дожидаться окончания торжественного приветствия, княжна поспешила утолить жажду. Манеры здешней прислуги, несомненно,

отличались от неказистого обращения в Новом граде. Юноша с тонким лицом и изящными руками взмахнул кувшином так, будто тот ничего не весил, и вода заструилась, как живая, водопадом стекая в сверкающий хрустальный кубок. Вдоволь напившись, Мила вернулась мыслями к своему невзрачному пыльному дорожному платью и захотела спрятаться. Вернее, она готова была провалиться сквозь землю, но решительно не знала, как осуществить это свое желание.

*Ничто в полюшке
Не колышется,
Только грустный напев
Где-то слышится...⁹*

Тем временем хор допел свою заунывную мелодию. Девы в белых платьях, все это время державшие в руках полевые цветы, стали расходиться. «Какое счастье, – подумала княжна, – скоро этот позор закончится».

Букеты предназначались высокородным девицам. Певчие девушки по одной подходили к гостям и, поклонившись, вручали им цветы. Одна из них, белокурая красавица в жемчужном венце да еще и с пегими крыльями за спиной, немного походила взад-вперед, высматривая кого-то. Она встретила взглядом с прислужником в сиреновом кафтане, легонько поклонилась в знак благодарности и неуверенно подошла к княжне.

– Сударыня, это вам, – промолвила девица.

В то же мгновение Мила уловила какое-то движение, и сразу несколько барышень издали такой звук, будто лишились чувств. Все они смотрели в одну точку – на приоткрытую дверь, к которой вела широкая центральная лестница. На самом верху возвышалась фигура молодого мужчины.

Уже знакомый княжне прислужник бросился через весь зал, вскочил по ступеням почти до самого верха, преклонил колени и, скрючившись в поклоне, громко произнес:

– Его величество царевич Елисей Салтанович, наследник Земель буянских и прочих княжеств! – После чего выпрямился, подошел к будущему царю и что-то шепнул ему на ухо.

Наследник обвел глазами зал, как будто пересчитывая присутствующих, на несколько мгновений остановил взгляд на Миле, улыбнулся и удалился.

Княжне еще никогда не было так неловко. Машинально сжав букет васильков, она ловила ртом воздух, чтобы не упасть в обморок.

– Сударыня, вам плохо? Не изволите ли воды? Или, может, на воздух? – спросила крылатая хористка.

– Я, душенька, хочу сгореть со стыда. И, пожалуй, воздух горению не помешает.

Девы вышли на широкий балкон, опоясывающий часть парадного помещения. Отсюда, с холма, можно было увидеть долину и пересчитать слободы буянской столицы.

– Меня Алконост величают, – прервала молчание крылатая хористка, – и для меня большая честь вас привечать. Никогда не бывала в Новом граде, но слышала много хорошего... Сейчас и не вспомню, что именно, но непременно хорошее! – Она игриво засмеялась собственной забывчивости, но быстро осеклась. Проявлять эмоции в присутствии вятших особ считалось непозволительным. – Прошу прощения великодушно – я смеялась над собой, сударыня.

– Полно, Алконост, я вовсе и не заметила. Да и потом – чего дурного в смехе? Я бы тоже рассмеялась, не будь я сконфужена так сильно. Предстать пред будущим мужем кикиморой болотной, в пыли дорог и пропахшей сыростью лады, – не так я представляла это знакомство.

⁹ Народная песня.

На мою удачу, у царевича появились неотложные дела, стало быть, поэтому он не соизволил подойти и нас не представили.

– Царевич Елисей очень ждал прибытия всех царственных невест, потому что, согласно этикету, выбор должен состояться в присутствии даже тех, кого он не видит своей будущей супругой. А вы приехали, и, стало быть, можно начинать знакомиться с лучшими девами Пяти-мирия!

Ладимиле почудилось, что в этот миг внутри у нее образовалась огромная дыра, воронка, затягивающая вглубь ее девичью душу. Она схватилась за поручень, чтобы устоять на ногах, опустила голову и проговорила еле слышно:

– Лучшими девами Пятимирия... Что же это, получается, я не единственная?

Между холмом царской крепости и Алатыревым садом раскинулись слободки. Некоторые из них заселили мастеровые, в других все больше обитали купцы. Над юркими улочками и проездами высился каменный терем, издаലെка напоминавший исполинского паука. То был храм науки, в прошлом – дом бога Знича, покровителя знаний, ныне же звавшийся Буянским затвором.

Здание разрезали высокие своды главного коридора, ровно посреди него распластался парадный зал, в котором ученики коротали перемены между занятиями в дождливые дни. В комнаты разных знаний вели массивные двери, и на каждой виднелась табличка с названием предмета изучения. Одна из них вела в Грамоту, другая – в Розмыслы. Были еще Алхимия, Музыка, Счет и с полдесятка других. Пространство между дверьми было занято гравюрами, портретами великих буянских мужей и мраморными статуями верховных богов. Стерев пыль с очередной скульптуры, крылатая смуглянка опустила тряпку и перевела взгляд на следующий объект. То была карта Пятимирия, по причине, вероятно, своей ветхости забранная под стекло. Дева-птица вздохнула и подобралась к золоченой раме.

Тонкие пальцы коснулись верхней части стекла. Под ним значился выступ королевства нордов, ледяного края суровых викингов. Дева на секунду попыталась представить, как там живет, в этом Царстве вечной зимы. От одной мысли о беспрестанном холоде ее бросило в дрожь. Палец скользнул ниже, проследовал по изгибу Великой реки мимо Нового града – северного оплота Буянского государства – и остановился в самом центре карты. Она была здесь, в столице могущественной страны Пятимирия. Впрочем, каждый правитель считал свой край самым важным и великим и в каждой своей речи перед народом непрестанно являл доказательства этой своей правды. Дева скосила взгляд налево. Стекло прятало потрепанный участок холста, на котором неровной линией обозначалась Эллада. Сухой каменистый край, колыбель науки и искусства. Свои учения до Общеземельной войны эллинийцы мастерски распространяли по всему Пятимирию. Однако теперь важные новшества все больше изобретались здесь, в Буян-граде, на этом Острове вечной весны и научных открытий. Она довольно улыбнулась и перевела свой коричный взгляд обратно в буянскую столицу. Сколько всего ей удалось узнать за несколько лет жизни здесь! И основы градостроения, и устройство водопроводных каналов, составы смесей для зодчих, не говоря уже о философских учениях и природных явлениях. Виной тому было не только взросление. В затворе она погрузилась в жизнь местных светил науки и мечтала о том, что однажды сама придумает нечто способное изменить ход вещей. Везде: здесь, в Буяне, у суровых нордов или занятых пирами эллинийцев. Дева-птица покосилась на этот раз вправо. Загадочная Восточная империя выглядела неприступной даже на карте. Никто за ее пределами не мог с точностью назвать, чем живет этот народ. Свои боги, свой язык, свои обычаи. Пожалуй, она только и видела, что тройку купцов на базаре, торговав-

ших специями да шелками. Но никогда не имела чести завести разговора ни с одним имперцем. Темная кожа, еще темнее, чем у нее, смоляные волосы да миндалевидный разрез глаз – вот и все, что она успела в них различить.

Палец соскользнул в самый низ карты. Под ним раскинулся ее родной Вавилон, столица Амитийского царства. Дева-птица задержала дыхание и закрыла глаза, пытаясь вспомнить, как там жилось.

– Дорогу домой ищешь, чернушка? – вырвал девушку из мыслей резкий мальчишеский голос. – Тебе крылья на что? Взмахни – и лети отсюдава подобру-поздорову!

За потупившей взор Гамаюн откуда ни возьмись появилась группка местных учеников. Они были юны, благородны кровями и жестоки намерениями. Один из них, самый низкорослый, автор первого изречения, подошел прямо к ней.

– Ты здесь на птичьих правах, Гамаюн, – проговорил он, будто прожевывая последние звуки. – Га-ма-юн... Такая рослая, худосочная и немытая. Чуете, братцы, как мускусом разит? – обратился он к товарищам. – Была бы у тебя душа, подумал бы, что она сгнила. Но ты же женщина, откуда в тебе она. Ты для одного и годишься. Впрочем, кто на тебя в твоём безобразном платье-то и посмотрит? Нечего здесь каблучки точить, своим куриным мозгом все равно ничегошеньки не размыслишь!

Тирана вызвала хохот среди юнцов, и они, удовлетворившись своей радостью, скрылись из виду. Гамаюн подняла взор и вновь посмотрела на карту, но больше не видела стран и городов. В стекле отражалась печальная смуглая дева-птица со слегка горбатым носом, пышными мостиками бровей и ореховыми, полными тоски глазами. Она легко, почти ласково коснулась стекла тряпкой и горько вздохнула. После же потерла пальцем под ноздрями, убрала прядь темных волос за ухо и принялась вытирать остальные скульптуры.

– Вот, сударыня, пришли! – Сиреневый Кафтан остановился перед неказистой маленькой дверью, выделяющейся своей облезлостью на фоне белоснежной крепостной стены дворца. – Располагайтесь, так сказать, будьте как дома.

Княжна слегка наклонила голову и заглянула внутрь. Полумесяцы бровей взошли на небосклон ее лба, обозначая крайнюю степень удивления. Оказывается, вечер изумлений был для нее не окончен.

– Внутри есть все, включая уборную. Совет размыслов постарался! Окна, конечно, невелики – в прошлом это бойницы, зато вид из них упоительный. И тихо здесь, никто не помещает. – Уверенность в голосе прислужника таяла под внимательным взглядом княжны Новоградской.

– Это конура для белки, а не палаты для царской невесты, не находите? – Мила настолько устала, что еле сдерживалась, чтобы не взорваться. – И потом, где вы предполагаете разместить мои сундуки с нарядами? И, кажется, вы ничего не сказали об отдельной комнате для Добродеи, моей служанки. Неужто ей придется жить еще дальше? – Возмущение Ладимилы хлестко подкреплялось сталью в ее голосе.

– Позвольте, сударыня, объясниться... Мне очень жаль, но наш двор оказался переполнен... переполнен царскими и княжескими особами, и, к нашему несчастью, осталась только эта комната. Виноваты. Прибудь вы раньше – мы бы с радостью поселили вас в царском флигеле, но он уже забит донельзя, на прислугу и то места нет, они там все передрались. А ваша служанка... Не знаю, попробую выяснить и прислать ее к вам при первой возможности, но обещать ничего никак не могу. Увы, ее судьба не в моей власти.

Ладимила не могла скрыть досады. Ей нестерпимо хотелось умыться, сменить платье и расчесать пыльные волосы. Кто будет ей в этом помогать? Неужто Сиреневый Кафтан?

– Стало быть, до появления Добродеи ко мне приставлены вы? Никак не возьму в толк – как это возможно, чтобы мне помогал мужчина?!

– Сударыня, вышло недоразумение... Я служу царевичу, который направил меня сопроводить вас в покои. Понимаю, вы, должно быть, привыкли к неотступной помощи верной прислуги. Смею догадываться, что вы захотите освежиться после дороги. Нет ничего проще! В уборной найдутся последние новшества Совета красоты, работающего под благословением матушки Макоши. Поступление воды регулируется медным рычагом: достаточно нажать на него легонько – и струя теплой воды прольется водопадом прямо на вас. Над тумбой в опочивальне есть карта дворца и ближайших слободок. А также обратите внимание на прозрачный цилиндр, выходящий на четверть сажени из стены, – в него будут поступать письма с распоряжениями обо всех дворцовых событиях. На этом я вынужден откланяться. Рад буду услужить княжне.

Ладимила заглянула в комнату еще раз. «Батюшки, с этим всем разбираться самой?» – подумалось ей. Добродея здесь явно не лучшая подмога. Впрочем, прислужник вызывал у нее одно только раздражение, и, прикинув, что заняться в своей комнате ей будет решительно нечем, она поинтересовалась о расположении книгохранилища. Он порекомендовал посетить читальню при училище – до него удобно добираться.

– Любезный, – окликнула она уходящего Елисеева слугу, – совсем забыла о вечернем приглашении. Девушка Алконост была крайне мила со мной и предложила послушать ее пение в трактире... Как же он называется? Ах, забыла... Не знаете случайно, где он может находиться?

– «Брячина» – именно там бывают такие вечера. Он в Малой Кузнецкой слободе, правее Алатырева сада.

Княжна поблагодарила прислужника и пошла разбираться с умными приспособлениями в своем новом жилище.

«Сколько же в этой читальне книг? Интересно, есть ли хоть кто-то, кто их пусть не прочитал, но хотя бы пересчитал?» – Княжна стояла посреди огромного зала книгохранилища и восхищенно оглядывала возвышающиеся вокруг нее шкафы, забитые разноцветными корешками. Внизу, под полосами сумеречного света из больших окон в крыше, располагались длинные столы с зелеными фонарями-пятисвечниками. Посетителей было не много, теплый свет ламп обнаруживал две-три фигуры, склонившиеся над книгами. Еще меньше было служителей, во всяком случае, никто не торопился помогать высокородной девице в поисках «Свода буянской жизни при Салтане». Она успела и кашлянуть, и пошаркать мысом туфли по дубовому паркету, и даже постучать по лакированной поверхности кафедры. Наконец из-за массивного шкафа появился человек со стопкой книг, полностью закрывающей его голову. Ладимила подошла ближе, поздоровалась и произнесла название требуемой книги.

– День добрый, вечер – что там у нас сейчас? – Книжная пирамида слегка наклонилась вслед за поворачивающейся в сторону окон головы. – Пожалуйста-пожалуйста, такая у нас точно где-то есть. Воспользуйтесь описью, сударыня, это вон в том углу.

– Не поможете ли мне, сударь? Боюсь, если я и найду нужную книгу в описи, а она окажется где-то наверху, мне потребуется помощь, чтобы спустить ее по лестнице. – Княжна еле сдержалась, чтобы не упомянуть о своем статусе, но в последний миг подумала, что тон, не терпящий возражений, должен сработать.

– Э-м-м-м... Вы тут, верно, в первый раз? Опись устроена таким образом, что, нажимая на кругляшки с нужными буквами, выбивая название книги, а после давя на педаль, вы тем самым выдвигаете ее с полки. Сначала давите не в полную силу, а потом, когда завидели нужный корешок, можно ловить! Оп – и она у вас в руках!

Княжна стояла перед огромным механизмом, похожим на диковинный музыкальный инструмент, и растерянно водила пальцами по его клавишам. К моменту, когда ей удалось набрать нужные слова на этом приборе, ее лоб покрылся испариной. Решающее нажатие педали, и... ничего не произошло. Только откуда-то сверху брякнул уставший колокольчик. Мила внимательно посмотрела, не высунулся ли с какой-нибудь полки корешок, но все книги стояли ровно, как солдаты на плацу.

– Этот звук означает, что вы перепутали название книги или указали его неверно, – прозвучал голос служителя. – Попробуйте еще раз.

Следующие несколько попыток не увенчались успехом: книги предательски стояли на месте, а колокольчик по-прежнему злорадно брякал. Обессиленная, княжна присела на ступень ближайшей лестницы, не зная, на что злитесь больше – на здешние порядки или собственную неспособность освоить опись.

– Вы ищете что-нибудь о Буян-граде при Салтане, я верно услышала? – мягким полупшепотом спросила одна из посетительниц. В ее руках было несколько толстых книг, держать которые, казалось, ей было совершенно не тяжело.

– Да, но это хитрое устройство сопротивляется и не хочет мне поддаваться! – ответила княжна. Она перевела взгляд на девушку и рассмотрела ее: ровная спина, за которой были сложены птичьи крылья; длинные шелковистые темные волосы, обрамляющие ладное, чистое лицо; сдержанное, закрытое синее платье. Похоже, она была родом откуда-то с юга и явно принадлежала к знатному роду.

– Я Гамаюн. Прохожу обучение в Буянском затворе.

– Очень приятно, Гамаюн. Я Ладимила, родом из Нового града, и я не привыкла к этим умным приспособлениям. У нас все как-то проще, помощь можно попросить у человека, а не у... клавиш.

– Пожалуй, это дело привычки. Удобно, когда приладишься с ними управляться. – Милина новая знакомая подошла вплотную к механизму, положила на краешек свою стопку томов и ловко набрала несколько слов, нажимая на выпуклости круглых кнопок. Пружина педали тяжело согнулась под ее ступней и привела в действие механизм поиска книг. Где-то сзади лязгнули шестеренки, в вышине под самым сводом потолка запрыгали звенья приводящей цепи, и за одним из шкафов зазвенели стукающиеся друг о друга железные шарики. Гамаюн по звуку отследила нужную траекторию и безошибочно подошла к высокому стеллажу, откуда осторожно достала книгу с золоченым окладом и массивными накладными петлями. На ней были выгравированы несколько слов: «Капля дегтя в бочке меда». Девушка решительно протянула том княжне, оглянувшись, подошла ближе и еле слышно вымолвила:

– Не смотрите, что на обложке написано. Внутри – истинное описание того, с чем пришлось столкнуться царскому роду двадцать лет назад. После прочтения можете положить вон на ту полку. – Она указала на дубовый книжный шкаф.

– Спасибо, Гамаюн. Это было... весьма впечатляюще. Я о вашем умении управляться со всем этим... – Она обвела вокруг себя руками. – И за такую, как я понимаю, редкость – отдельная моя благодарность. Надеюсь, мы с вами еще свидимся и я смогу отплатить за вашу доброту.

– Не стоит благодарности. С радостью увижу вас здесь снова! Поделитесь потом, как вам книга. – Гамаюн легко поклонилась, забрала книги со столешницы механизма и растворилась в темноте библиотеки.

*Славный царь Буяном правит
И границы охраняет
От кочевников степных
И от ратников чужих.*

*Обойдя свои владенья,
Тем закончив все волненья,
Царь с победою в руках
Возвратился в Буян-град.*

*Из похода воротился,
На царицу взгромоздился.
А она, как шла молва,
В ту же ночь и понесла.*

*Как узнал об этом царь,
Всех буянцев государь,
Созывал весь мир честной
На свой пир он дорогой.*

*Все там было чин по чину:
Бражка, пиво, морсы, вина,
Разносолы, всяки яства,
Всяки вкусные богатства,
С Пятимирия всего
Привезли что для него.*

*Но тогда была вражда,
Снова вспыхнула война
С кочевыми племенами.
Посоветавшись с богами,
Призвала война царя,
Грозного богатыря.*

*Враг на долю выпал строгий –
Дюже сильный, не убогий.
Не простой он, так сказать.
От границы б отогнать.*

*Бился с ним Салтан не месяц,
И не два, но там всё спеси
Было хоть не отымай.
Беспокойный то был край.*

Но под натиском буянским

*Кочевой народ поддался
И от южных от границ
Отошел подальше вниз.*

*Тут пришел уж час родин,
И царица за один
Вечерок Салтану сына
Подарила. Народила.*

*Царь, как только воротился,
Пировать приноровился,
Чтоб победу отмечать,
Пиво бражкой запивать.
А тут на тебе дела:
Знать, Чаяна неверна!*

*Не поверил царь навету!
И за мерзкую клевету
Сжечь хотел он всех дворян,
Что позорили Буян.*

*Тут взмолились вятиши люди:
«Спор наш боги пусть рассудят!
Не губи ты нас, отец,
Не пускай на холодец!»*

*Грозный царь чернее тучи –
Тяжко думы разум мучат.
И, по царскому веленью,
Обратились за решением
Ко жрецам богов верховных,
Тех, кто смыслят в делах оных.*

*Бормотали волхвы слово,
Непонятно, незнакомо.
И ведуньи, и вещуньи,
Бродят всякие колдуньи
Вокруг царского малютки,
Заподозрить в нем ублюдка
Всё пытаются они.
«Нас, когда зовут цари,
То без дыма не бывает,
Чтоб огонь запылывает!»*

*Но тут Мары¹⁰ жрица стонет.
Говорит она: «Утонет
Мальчик в море, коль бастард.*

¹⁰ Богиня смерти. Дочь Сварога и Лады, жена Чернобога. Живет в Нави.

*Но в живых оставить рад
Будет сына Чернобог¹¹,
Если он по крови тот,
Кто достоин царством править,
Перуна да Макошь славить».*

*Долго ль мучился, но скоро
Повелел правитель в море
Бочку с сыном снарядить,
Чтоб себя не бередить.*

*Царю жрица обещала,
Что вернется бочка рано,
Через сутки. Коль живой,
То, глядишь, сынишка твой.*

*Ну а если мертвый будет,
Значит, смерти бог рассудит
Так, что мальчика он вплавь
Переправит сразу в Навь.*

*Но над мальчиком царица,
Словно хищная орлица,
Вьется, не дает отнять.
Говорит царю: «Я мать!
Не позволю погубить,
Своего сына утопить!»*

*Заточили их в дубовых
Досках, гнутых, навоищенных,
В бочке, попросту сказать.
В бездну кинули – и ждать
Принялись, когда вернется,
Чтоб проверить: сын, не сын?
Только бочки след простыл.*

*Ждали день они и сутки,
Ждали два, а вот и утки
Собрались улетать,
А бочонка не видать.*

Бесконечно долгий день совсем устал и потемнел, на небосклон взошла луна. Ее тусклый, холодный свет отражался в стертых до блеска камнях мостовых. От библиотеки в сторону

¹¹ Владыка Нави – подземного мира, в который отправляются души умерших.

дворца и окружавшей его крепостной стены шла широкая аллея из кленов. Их рассеченные остроугольные листья оставляли на мостовой причудливые тени, шевелящиеся от ветра. Аллея вела к небольшой, аккуратной круглой площади, от которой расходились улочки и переулки, освещенные лучами граненых масляных фонарей. Княжна Ладимила не могла определить, по какой из них она пришла от крепости. Это ее не сильно раздосадовало. Дева решила, что любой путь наверх обязательно приведет ее домой.

Мысли ее занимало наблюдение: в родном Новом граде даже подумать о прогулке после заката было нельзя: город погружался во мрак после захода солнца. Княжну не раз пугали с самого детства, что с наступлением темноты на улицах появляются злые духи, дети Чернобога, и покинуть стены терема можно только в случае острой необходимости. И желательно не в одиночку. А тут, в столице, ей то и дело попадались неспешно прогуливающиеся горожане. «Ночью здесь так хорошо, так привольно и ничуть не страшно», – подумала она и свернула в очередной переулок.

Тем временем фонари встречались все реже, а тени от их чугунных перегородок становились все длиннее. Даже когда она в третий раз прошла мимо одной и той же калачной лавки, отмеченной большой сдобной завитушкой на фасаде, признаваться самой себе в том, что она заблудилась, княжне совсем не хотелось. Она сменила направление и на этот раз пошла по темной узкой улице, изломанной холмом и ведущей в неизвестность, к одинокому далекому фонарю. Под ним стояли трое мужчин. Одного из них заметно пошатывало, двое других лениво переговаривались, наполняя тесное пространство между высокими теремами пьяными перетолками, да еще и с заметным амитийским говором. Мила замедлила шаг – ей было не по себе. Как назло, она только что спустилась по довольно крутому холму, а впереди, пусть не близко, но все же отчетливо переливалась бликами белоснежная стена крепости, отражая лунный свет. Отступать не было смысла. Решив, что надо проскользнуть максимально незаметно, она подбрала полы платья, прижалась к стене терема и на носочках стала пробираться мимо палисадовников. «Только бы не заметили, только бы не заметили, только бы»

Княжна грохнулась на мостовую, больно ударившись локтем, и вскрикнула от неожиданности. «Будь неладен этот камень!» – прокляла она валун, ставший причиной ее падения. Быстро встала, отряхнулась и, не оборачиваясь, продолжила свой путь. Переулок некстати расходился на две части. Мила, недолго думая, повернула вправо, надеясь, что так скорее выйдет на дорогу к дому. Через несколько шагов она обернулась: в ответах керосинового фонаря шаталась фигура, а за ней еще две. Их стремительное приближение не оставляло сомнений – надо бежать! Не разбирая дороги, дева помчалась вперед, в объятую тишиной дремучую темноту. Ей одновременно было холодно и жарко. Несмотря на накопленную за трудный день усталость, ноги послушно несли ее прочь от опасности. Поворот, еще один. Фонари, а вместе с ними и хоть какая-то видимость закончились. Остался только страх, бешено билось сердце, а позади раздавались голоса преследователей. За очередным высоким теремом, слившимся с остальными в одну большую мрачную ширму, блеснул фонарь. Мила взбежала за угол по короткой, разъехавшейся от времени лестнице и оказалась на четко очерченной светом квадратной площадке, со всех сторон окруженной подпорной стеной из бревен. Дальше прохода не было. Княжна дернулась обратно, но было поздно: пропойцы влетели по лестнице и преградили путь к отступлению.

– Какая ладненькая, смотри-ка! – Долговязый мужчина в рваном кафтане цвета сгнившего сена беззастенчиво вглядывался в свою добычу. Кожа его была по-южному темна, а речь выдавала амитийское происхождение. – Куда ты, птичка, так резво от нас упорхнуть решила?

Дева забыла, как дышать. Она сосредоточенно смотрела на своих преследователей и пятилась до тех пор, пока не уперлась спиной о стену. От прикосновения к влажной древесине она ахнула, чем вызвала у долговязого недобрый хохот. «Ни одного дымочка над крышами – значит, и кричать бессмысленно. Разве что...»

– А-а-а-а-а! – прокричала княжна что было мочи.

– А-а-а-а-а! – прозвучало ответом эхо.

Пропойцы резко остановились. Шатающегося пришлось ловить – закон тяготения чуть не заставил его упасть от неожиданности. Тот, что был пониже, в кривой шляпе и с железным зубом, достал из-за пояса нож.

«Славно вышла замуж! Что они со мной сделают? Лишат чести здесь, на заднем дворе заброшенного дома? Возьмут свое и сбросят в колодец, придушив для верности, как гуся перед чествованием Сварога? Или украдут в рабство и увезут в свой Вавилон? Меня, наследницу Велимира, грозы каторжников и всех северных народов? Или бросят здесь, надеясь, что постыжусь рассказать кому-то? Лучше пусть сразу убьют, раз так хотят боги. Раз не суждено мне быть женой царевича. Не дано подарить ему наследника и славить Перуна и Макошь до скончания дней своих. Ведь не пришел срок, я только начала жить! Надо их убедить, образумить, уговорить! Но как?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.